



Религиоведение. 2021. № 2. С. 110–118.  
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 2. P. 110–118.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.2.110-118

<sup>1</sup>Юрасов И.А., <sup>2</sup>Танина М.А., <sup>3</sup>Юдина В.А.



И.А. Юрасов



М.А. Танина



В.А. Юдина

<sup>1,2,3</sup>Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ  
<sup>1,2,3</sup>440052, Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33Б  
<sup>1</sup>jurassow@mail.ru; <sup>2</sup>margo10@inbox.ru; <sup>3</sup>vayudina@fa.ru

## Цифровой религиозный протест в провинциальных российских городах: религиозная идентичность и формы

**Аннотация.** Тенденции цифровизации, активно развивающиеся в Российской Федерации в последние десять лет, оказывают влияние на протестные настроения людей, разделяющих религиозное мировоззрение. Авторы публикации интересовали исключительно цифровые формы протестной активности в рамках традиционных конфессий российских провинциальных городов, а именно православия и ислама. Ввиду малого количества населения, исповедующего иудаизм в провинциальных городах Российской Федерации, и из-за догматических оснований традиционного буддизма, крайне негативно относящегося к любым формам протестов против существующих политических, экономических и социальных реалий, эти конфессии не дали сколько-нибудь значительных примеров виртуального протеста в сети интернет. Авторы чётко разделяют легальные формы цифрового протеста в религиозной среде и формы религиозного экстремизма и ксенофобии, которые также лежат за пределами научного интереса авторов настоящего исследования. Предметом настоящего анализа стали формы виртуальной протестной активности в сети интернет, которые классифицируются по следующим направлениям: протест против религии как института, защищающего существующие политические, экономические и социальные устои российского общества с точки зрения атеизма и других конфессий и религиозных систем; протест против существующей официальной конфессиональной иерархии в рамках нормативного религиозного дискурса; протест против внутриконфессиональных догматов, имеющих целью реформы, или раскол. В основе протестной цифровой активности лежит маргинальная религиозная идентичность, которая не затрагивает нормативно-конфессионального дискурса, а формируется в рамках политического, мифологического, идеологического дискурсов. Протестные настроения против религии как социального института, или атеистический протест, коррелируют с политическими и социально-экономическими протестными настроениями в провинциальных городах России.

**Ключевые слова:** цифровизация, протест, религиозная среда, маргинальная религиозность

<sup>1</sup>Igor A. Yurasov, <sup>2</sup>Maria A. Tanina, <sup>3</sup>Vera A. Yudina

<sup>1,2,3</sup>Penza branch of Financial University under the Government of the Russian Federation  
<sup>1,2,3</sup>33B Kalinina str., Penza, 440052, Russia  
<sup>1</sup>jurassow@mail.ru; <sup>2</sup>margo10@inbox.ru; <sup>3</sup>vayudina@fa.ru

## Digital Religious Protest in Provincial Russian Cities: Religious Identity and Forms

**Abstract.** Digitalization trends that have been actively developing in the Russian Federation over the past ten years have an impact on the protest moods of people who share a religious worldview. The authors of the publication were interested exclusively in digital forms of protest activity within the traditional confessions of Russian provincial cities, namely Orthodoxy and Islam. In view of the small number of people who profess Judaism in the provincial cities of the Russian Federation, and because of the dogmatic foundations of traditional Buddhism, which is extremely negative to any form of protest against existing political, economic, and social realities, these denominations have not given any significant examples of virtual protest on the Internet.

The authors clearly distinguish between legal forms of digital protest in the religious semiosphere and forms of religious extremism and xenophobia, which are also beyond the scientific interest of the authors of this study. The subject of this analysis is the forms of virtual protest activity on the Internet, which are classified in the following areas: protest against religion as an institution that protects the existing political, economic, and social foundations of Russian society from the point of view of atheism and other faiths and religious systems; protest against the existing official confessional hierarchy within the normative religious discourse; protest against internal confessional dogmas aimed at reform or division. Digital protest activity is based on a marginal religious identity that does not affect the normative and confessional discourse but is formed within the framework of political, mythological, and ideological discourses. Protest moods against religion as a social institution or atheistic protest correlates with political and socio-economic protest moods in provincial cities of Russia.

**Key words:** digitalization, protest, religious semiosphere, marginal religiosity

В основе развития цифровой протестной активности в религиозном дискурсе лежат развитие и распространение маргинальной религиозной идентичности и медиатизация религиозных дискурсов.

Цифровой протест в религиозной семиосфере провинциальных городов Российской Федерации имеет свою специфику, которая коренится в базовых особенностях провинциального города. Гипотеза исследования заключается в том, что цифровой протест в религиозном дискурсе провинциальных городов России развивается на основе маргинальной религиозности [Юрасов, 2019] и касается, в первую очередь, протестов против конфессиональных догматов, протестов против строительства храмов на тех территориях, которые понимаются местным сообществом как территория общей рекреационной направленности. Во вторую очередь, это протесты против официальных конфессиональных догматов, протесты против официальной позиции основных российских конфессий, которые граничат с реформаторской активностью и усилиями, направленными на раскол традиционных конфессий.

Исследования проводились в июле-сентябре 2020 года. Авторы осуществляли анализ религиозной цифровой протестной активности в самой масштабной и влиятельной в российском сегменте интернета социальной сети «ВКонтакте», социальной сети «Одноклассники», российском сегменте Twitter, Facebook в записях популярных провинциальных блогеров, популярность и влияние которых определялись методом социологических исследований в гг. Пензе, Саратове, Самаре, Оренбурге, Хабаровске, Екатеринбурге, Хабаровске, Чите, а также в городах Дагестана и Чечни.

Методика поиска следов цифровой религиозной протестной активности включала шесть этапов: 1) составление списка ключевых слов на основе анализа digital СМИ и статистических параметров частоты употребляемости слов в публикациях (список ключевых слов был сформирован вокруг тем, включающих религиозную проблематику); 2) определение периода исследования – с 1 февраля по 28 февраля 2019 г. и с 1 февраля по 30 сентября 2020 г.; 3) анализ целостности данных в Kibana/Discovery по каждому ключевому слову за выбранный период; 4) внесение отсутствующих ключевых слов в рабочее задание для скриптов на PHP, получающих информацию из VK API и сохраняющих её в ElasticSearch; 5) анализ сетевой публикационной активности популярных блогов 6) анализ структуры контента и структуры профилей, а именно: анализ контента текстов (корректировка ключевых слов для фокусировки на определённых текстах), а также профайлинг авторов (групп, страниц, событий, пользователей), составляющих выявленные страницы, посвящённые цифровой протестной активности в религиозной сфере жизни российского провинциального социума.

В сферу анализа авторов попали записи в популярных блогах, записи в социальных сетях, касающиеся православной конфессии и ислама. В виду немногочисленного населения, исповедующего иудаизм в провинциальных городах Российской Федерации, и из-за догматических оснований традиционного буддизма, крайне негативно относящегося к любым формам протестов против существующих политических, экономических и социальных реалий, эти конфессии не дали сколь-нибудь значительных примеров виртуального протеста в сети интернет. Исламский дискурс не даёт однозначного ответа, касающегося разрежённости протестов в вир-

туальном и реальном пространстве. Поэтому в официальных цифровых интернет-сетях обсуждение конфессиональных вопросов ислама носит весьма мирный дискуссионный характер. В случае формирования более активной протестной активности, протестный мусульманский дискурс переходит в экстремистскую ксенофобскую риторику и блокируется или самими модераторами исламских цифровых порталов и продолжает развиваться в закрытых телеграмм-каналах, граничащих с ваххабитскими экстремистскими направлениями идеологического, политического мусульманского дискурса.

Более ранние авторские исследования позволили выявить три типа религиозной идентичности: нормативно-конфессиональную, фольклоризированную и маргинальную. Все типы религиозной идентичности формируются как под воздействием ценностных, социокультурных факторов, так и под влиянием специфических смыслов, объединённых в различные дискурсы, под которыми понимается семантическая система, предающая основные темы и топосы (элементы дискурса). Сама идентичность может формироваться, поддерживаться различными дискурсами и функционировать в их рамках. Влияние тех или иных видов дискурса может определять специфический вектор идентичности [Юрасов, 2019].

Социосемиологически маргинальная религиозная идентичность формируется социальной метонимией. Социальная метонимия представляет собой социальный процесс замещения более масштабного общественного явления менее масштабным, менее значимым, замещение всего комплекса религиозной семиосферы ритуалом, обрядом, маркером обряда, или ритуала.

Медиатизация религиозной семиосферы проходит в русле реинституционализации религии и делится на два направления: трансформация идеологий и практик взаимодействия, организация и изменения формата под воздействием религиозных медийных миров. В русле реинституционализации проходит повторная интерпретация старых институтов (монашества, священства, мирян, прихода, религиозного сообщества, конфессиональной иерархии), исторических образцов и ценностей в условиях секулярного общества и либерально-демократической идеологии современного государства.

Маршрут реинституционализации не затронул ислам. В процессе реинституционализации основных христианских конфессий в европейском мире проходят следующие события: утрата статуса государственной идеологии, встраивание и вживание христианства в статус одной из возможных религиозных традиций историко-культурного прошлого и актуального настоящего, создание собственной специфической ниши в религиозной сфере современных обществ, обретение статуса викарной, то есть заместительной религии, в которой верующее большинство переадресует ответственность за чистоту соблюдения традиции воцерковлённому меньшинству.

В социальной реальности начала XXI века религия подвергается глобализации и медиатизации, как и другие сферы общества. Медиативизация религии – это процесс его цифрового воспроизводства в медиaprостранствах общества.

В 2016 г. были созданы православные каналы и православный мессенджер в мобильном приложении Telegram. Медиатизация православия в интернете создала конкретные и чёткие инновации его институциональной среды – в священническом сообществе и коллективах мирян. Интернет-пространство сделало возможным перераспределение доступа к харизматическому влиянию и трактовке истины.

Контент-анализ христианских православных публикаций показывает, что православные блоги слабо цензурируются. Блоги и интернет превращают священников и монахов в харизматических лидеров, популярных или непопулярных в среде мирян. Это очень часто не связано с их реальной идеологической позицией в церковной иерархии. Многие священники, занимающие высокое положение в православной социорелигиозной иерархии, не востребованы в православном цифровом пространстве, их мнение не учитывается среди продвинутых в цифровом отношении мирян [Гришаева, 2018].

Исследования цифровой протестной активности мусульман проводились с помощью контент анализа записей популярных исламских блогеров, страниц в со-

циальных сетях пользователей, зарегистрированных в Татарстане, Дагестане, Чечне. Возможность использования протестного дискурса в рамках ислама начинается с обсуждения самой возможности протеста в мусульманском социуме. Наиболее активно протестный мусульманский дискурс представлен на страницах социальных сетей и блогов Дагестана, менее развита протестная цифровая активность в Чечне и Татарстане. Основной вопрос в исламских социальных сетях касается самой возможности любой протестной виртуальной или реальной активности в исламском мире. Исламские лидеры общественного мнения разрешают сетевую протестную активность лишь в том случае, если она не содержит запретных элементов, связанных с внешними факторами. Но есть и такие, которые однозначно запрещают все формы протеста в мусульманской умме. В том случае, если протестная активность одобряется, она должна развиваться по законам шариата.

Цифровой протест против религии как социального института ведут известный антиправославный публицист А. Невзоров, сайт «Атеист», антицерковные телеграмм каналы. Следует сразу оговориться, что атеистический и антиклерикальный протест направлен в сетевом информационном пространстве в основном против православной церкви Московского патриархата, намного реже против католичества (13,5% от общего количества публикаций) и совсем не затрагивает ислам, буддизм, индуизм, иудаизм, христианские протестантские конфессии. Антиклерикальный протест специально направлен против одной конфессии, считающейся базовой скрепой российской цивилизации.

По данным системы <https://socialblade.com/>, атеистический портал А. Невзорова на <https://www.youtube.com> насчитывает 811 тыс. подписчиков, среднее количество просмотров колеблется от 345 тыс. до 562 519, общее число просмотров 176 227 024. Расчётный среднемесячный доход составляет от публикаций в этой канале от 1,9 до 30,3 тыс. долл. США. Его страница в социальной сети «ВКонтакте» <https://vk.com/nevzorovofficial> насчитывает 429 тыс. подписчиков, 1 242 934 лайков, 85 357 репостов, 190 120 комментариев, общее количество просмотров составляет 108 873 988. Активность по типу контента составляет: тексты 49,9%, фото 19,9%, 17,8% видео, остальное приходится на ссылки. В <https://www.instagram.com/nevzorovofficial/>: количество подписчиков – 530 075; всего постов – 171; среднее число комментариев – 623.10. По рейтингу занимает 659 место в России, 72 место в Санкт Петербурге. В <https://twitter.com/nevzorovag> 71 313 место по вовлечённости и 3 552 129 место в рейтинги СМИ. В <https://www.facebook.com/nevzorovanevzorov/> – 56 217 подписчиков, всего репостов – 119 107, общее число лайков – 413. В Telegram: 46 329 подписчиков, охват одной публикацией 23,8, примерно четыре поста за день.

Несмотря на довольно высокие показатели популярности в социальных сетях, по данным авторских социологических исследований, проведённых в июле-сентябре 2020 в гг. Пензе, Саратове, Саранске, Самаре, Оренбурге, Сочи, Хабаровске, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Уфе (n=1689), А. Невзорова знают 64,1% опрошенных, но только 8% одобряют его деятельность. Это позволяет сделать вывод об общей непопулярности атеистической позиции. Кроме того, респонденты среднего и старшего возраста отмечали выборочную критику А. Невзоровым РПЦ МП, оскорбительную, издевательскую риторику постов автора, заявляли, что невзоровский атеизм не критикует иудаизм, протестантские конфессии, буддизм, индуизм, языческие культы.

Следующий аспект цифрового протеста против религии как социального института выражается в виртуальном протесте против строительства храмов РПЦ МП. Начало цифрового протеста против строительства храмов положила группа в социальной сети «ВКонтакте» в Санкт-Петербурге началось в январе 2017 года, тогда же была создана страница «Защитим Исаакиевский собор», по сведением участников, она неоднократно подвергалась блокировке, но летом и осенью 2020 года она была легко доступна, насчитывала 7157 подписчиков. Простой арифметический анализ показал, что, несмотря на такое количество подписчиков, среднее число просмотров публикаций за 2020 год составляло 43,8, и 4,5 репостов. Верное решение о судьбе собора снизило градус цифровой протестной активности, но в 2020 году на странице стали появляться откровенно издевательские посты о клириках

и мирянах РПЦ МП. Жители провинциальных городов, в которых проводились авторские исследования, высказывали крайне низкий интерес к этой проблеме (5,7% поддерживающих). В исследуемых городах (Пензе, Саратове, Саранске, Самаре, Оренбурге, Сочи, Хабаровске, Нижнем Новгороде, Уфе, Чите) не зафиксированы следы цифрового протеста против строительства и передачи храмов. Исключение составляет Екатеринбург, где весной 2019 начались протестные выступления против строительства кафедрального собора. Была также создана группа «ВКонтакте», которая насчитывала на сентябрь 2020 года 120 подписчиков. Последняя публикация на странице (на сентябрь 2020 года) датируется 16 июня 2020, имеет 0 просмотров, последующая публикация (от 27 ноября 2019 г) – фильм «Идеальная франшиза», направленный против программы РПЦ МП о строительстве 200 храмов в Москве в спальных районах, – набрала 236 602 просмотров. 27 июля 2019 года появилась публикация о строительстве мечетей, против которых никто не собирался протестовать. Публикация вызвала бурную агрессивную дискуссию участников, которая, впрочем, очень быстро стихла. На странице есть публикации неоязыческого толка: «А так, если хорошенько подумать, а не плохие у славян были боги, которые отождествлялись с природными явлениями и храмы они не строили. Для них были священны леса, реки, горы. Актуально в наше время экологических, антропогенных катастроф, изменений климата, варварской вырубке сибирских лесов, загрязнению рек и озёр! Любой облагороженный участок природы в городе в сотни раз важнее всяких культовых строений». Неязычество коррелирует с экстремизмом и ксенофобией, это убедительно доказывается публикацией исследователей Томского политехнического университета в журнале «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» (№ 3 (157) от мая – июня 2020 года). В ней делается вывод о корреляции неоязыческих настроений с молодёжным экстремизмом [Карпова, 2020]. Но, как видно из анализа социальной сети, цифровой протест против религии как социального института находит существенно меньше поддержки в провинциальных городах России по сравнению с мегаполисами.

Таким образом, протест против религии как социального института не пользуется популярностью ни у молодёжи, ни у респондентов среднего и старшего возраста в провинциальных городах России. Это объясняется и спецификой атеистического дискурса, религиозной теорией, согласно которой по последним данным социологических опросов, порядка 80% жителей российской провинции относят себя к православным верующим [Аринин, 2016; Бабич, 2016; Юрасов, 2018а], хотя только 3–5% из них можно назвать активными верующими, воцерковлёнными людьми. Но фольклоризированная религиозная идентичность большинства не позволяет им разделить смыслы атеистического дискурса, поддержать протест против религии и власти в России.

Протест против существующей официальной конфессиональной иерархии в рамках нормативного религиозного дискурса – эта цифровая протестная активность в рамках религиозного дискурса является наиболее активной, популярной в среде православных верующих. Основными темами этого протестного дискурса являются: критика церковных недостатков и нравов, критика церковной кадровой политики, критика назначений на епископские кафедры, критика проправительственных выступлений верующих и церковных иерархов, вопросы влияния цифровых технологий на жизнь, проблемы старчества и младостарчества, борьба с грехами и страстями из своего опыта, взаимоотношение с инославными, взаимоотношения в семье, отношение к экстрасенсам, колдунам, эмоциональное выгорание верующих, школа молитвы, протест против гомосексуального лобби в РПЦ, критика бизнес-проектов РПЦ и другие.

Наиболее популярным являются блог, выступление на видеохостинге <https://www.youtube.com>, страница «ВКонтакте» и страницы в других социальных сетях, а также телеграмм канал дьякона Андрея Кураева. Videоблог <https://www.youtube.com/channel/UCretlEWhv8UdkcyZAoNufIlg> имеет 10,9 тыс. подписчиков, <https://vk.com/akuraev> имеет 31 891 подписчиков, блог насчитывает 19 991 253 просмотра, 43 366 репоста. Относительная активность по типу контента 36,9% (текст), 26,7% (видео), остальное приходится на фото и ссылки. Комментаторская активность ра-

стёт, начиная с 2015 года. Это больше, чем все другие страницы в социальных сетях, посвящённые православной тематике и протесту в рамках православного дискурса. Наиболее популярными темами А. Кураева в 2020 году являются Запрещение в служении самого дьякона А. Кураева: ситуация со схиигуменом Сергием (Романовым) из Екатеринбургa, о патриархе Кирилле, страницы, посвящённые критике и разоблачению антицерковной и антиправославной деятельности А.Г. Невзорова.

Аналитическая история страницы на канале <https://www.youtube.com> свидетельствует о спаде интереса к православному контенту в российском обществе.

В сети Twitter у А. Кураева 2 956 подписчиков и лишь только 9 одобрений.

Телеграмм канал «Церквач», протестующий против православной иерархии, имеет следующую статистику в цифровом пространстве рунета: <https://vk.com/tserkvach>: 3113 подписчиков, 2742 репоста, среднее число комментариев 15; в телеграмм-канале число подписчиков существенно больше – 20284 члена. Его деятельность слабо известна среди православных верующих, посещают его обычно сомневающиеся, атеисты. Наибольшую популярность он имеет среди жителей мегаполисов, в провинциальных городах России, его знают 6,7% опрошенных, поддерживают 4,8%.

В последнее время (2018–2020) годы среди активных православных пользователей «Яндекс дзен» стали пользоваться популярностью публикации священника Андрея Федосова под названием «Киберпоп», эта страница имеет 1763 подписчика и насчитывает 495 записей. Основные темы: проблемы старчества и младостарчества, борьба с грехами и страстями из своего опыта, взаимоотношение с инославными, взаимоотношения в семье, отношение к экстрасенсам, колдунам, эмоциональное выгорание верующих, школа молитвы.

Таким образом, страницы в социальных сетях, посвящённые цифровому протесту против существующей официальной конфессиональной иерархии в рамках нормативного православного религиозного дискурса, являются наиболее популярными как среди православных верующих, так и людей, просто интересующихся религиозной проблематикой. Эти публикации в цифровом пространстве оживляют внутрицерковную дискуссию и являются свидетельством активного интереса большинства православных верующих к проблемам развития православия в современном обществе.

### **Протест против внутриконфессиональных догматов**

Особое место в цифровом религиозном протесте занимает протест против внутриконфессиональных догматов. Если цифровой религиозный протест инициируется, как правило, маргинальной религиозной идентичностью, то этот тип протеста связан с прямой деформацией религиозной идентичности – с псевдostarчеством, когда религиозно малоопытный священнослужитель берёт на себя функции духовного руководителя, не имея к этому никаких оснований. Причиной этого современные религиоведы и богословы считают серьёзные пробелы в религиозной образованности многих мирян православной церкви. Многим из этих религиозных блогеров запрещено служить в церкви, есть и извергнутые из сана, среди них архимандрит Иоаким (Парр), протоиерей Владимира Головин, священник Георгий Кочётков и другие. В сентябре 2016 года факт запрета в служении архимандрита Иоакима комментирует священник Михаил Владимиров, клирик РПЦ за границей, настоятель Храма Живоначальной Троицы штата (Нью-Йорк): «Указ о запрете в священнослужении архимандрита Иоакима (Парра), ставший неожиданным для большинства россиян, не стал таковым для бывших членов его общины в США. Как минимум последние пять лет они регулярно обращались к правящим архиереям, сначала к архиепископу Юстиниану, а затем к епископу Иоанну с жалобами на нарушение тайны их исповедей, манипулирование со стороны архимандрита Иоакима их детьми, отношениями супругов, а также на обман доверия и, конечно, очевидную ложь о его биографии, монашеском опыте и «святости». Всё это нашло своё отражение в письменных заявлениях, поданных на имя правящего архиерея год назад».

Начиная с 2017 года цифровой интерес к публикациям архимандрита Иоакима существенно падает, за три года было всего 1473 репоста, 467 комментария, общее количество подписчиков – 4190 человек. Интерес к цифровой протестной ак-

тивности опального монаха в России низкий, в провинциальных городах, по данным опроса 2020 года (n=1`687), его знали 8,9% опрошенных в России, поддерживали его деятельность 1,8%, в провинциальных городах (Пензе, Саратове, Саранске, Самаре, Оренбурге, Сочи, Хабаровске, Нижнем Новгороде, Уфе, Чите) о его деятельности информированы только 3,1% опрошенных, составляющих костяк воцерковлённого социума. Обычным респондентам, называющим себя в большинстве опросов православными верующими и составляющим 80% православного сообщества, его деятельность не интересна. В целом по России его деятельность поддерживает только 1,8% читателей.

Что касается деятельности Владимира Головина, то он обвиняется в многочисленных конфликтах с прихожанами, незаконном сборе финансовых средств и в прямом нарушении основных православных догматов, в принятии протестантских воззрений, ересей. Среднее количество просмотров в сети <https://www.youtube.com> – 31,2 тыс. В исследованных городах России его имя и цифровая деятельность знакома малому количеству православных верующих: (n=1`687), его деятельность знакома 8,9% православных верующих, его деятельность одобряют 2,1% респондентов, знакомых с ним.

Онлайн и офлайн деятельность протоиерея Георгия Кочёткова более известна среди православных верующих: 49,5%. 69,5% опрошенных активных православных верующих затруднились оценить его деятельность и дать однозначный ответ по поводу неё. Причины этого видятся авторам настоящего исследования в том, что он нетрадиционно занимается воцерковлением в современной российской обществу, является сторонником организации православных братств. Он является основателем и попечителем Преображенского братства, которое известно как содружество малых православных братств. Это организация считается одной из крупнейших организаций православных мирян, административно независимых от иерархии РПЦ МП. Сеть малых братств распространяется на несколько десятков епархий. Но в исследуемых провинциальных городах их деятельность отсутствует, или строго законспирирована. Священник Г. Кочётков был основателем и до 2019 года ректором Свято-Филаретовского православно-христианского института, который до недавнего времени (до 2020 г.) был крупнейшей духовной школой, не входящей в систему Учебного комитета РПЦ МП. Общественное церковное мнение относит Г. Кочёткова к «православным либералам».

Хотя на первый взгляд цифровой протест Г. Кочёткова направлен против церковной вертикали, на самом деле его можно считать одним из основных сторонников церковной реформации в православии, так как он выступает за переход в богослужении с церковнославянского языка на современный русский язык, поддерживает практику проведения агап, совместных обедов после богослужений, практику еженедельных причастий без должной подготовки, служение литургий с нарушением православных канонов. Его деятельность знакома в российской провинции лишь небольшой группе православных верующих, которые не могут до конца выработать точку зрения к его цифровой протестной активности. Страница о Георгии Кочёткова в социальной сети «ВКонтакте» имеет 520 подписчиков (его активных сторонников и членов православных братств), среднее количество просмотров публикации – 30 раз за 2020 год.

Таким образом, церковный цифровой протест, направленный против внутриконфессиональных догматов, не интересен жителям провинциальных городов России, слабый интерес к нему проявляет небольшая группа образованных православных, которые, в общем, не поддерживают их протестной активности.

Таким образом, проанализировав цифровую протестную активность в рамках русскоязычного сегмента интернета, авторы пришли к выводам о том, что рунете представлены три вектора цифрового церковного протеста против существующего положения вещей в Российской Федерации, а именно: протест против религии как социального института (атеистический протест), протест против существующей официальной конфессиональной иерархии в рамках нормативного религиозного дискурса и протест против внутриконфессиональных догматов. Цифровой религиозный протест практически не охватывает официальный ислам (протестные настро-

ения начинают появляться закрытых телеграмм каналах экстремистской направленности), буддизм, официальные, разрешённые в Российской Федерации христианские конфессии протестантской направленности и иудаизм. Католический протест в цифровом пространстве замечен в республике Беларусь, его дискурс направлен против православия, против политической системы республики. Он практически не представлен в цифровом пространстве провинциальных городов России, в которых проводилось исследование.

Основная цифровая протестная активность формируется в основном в православном дискурсе. Наиболее популярным в российском сегменте интернета провинциальных городов России является протест против существующей официальной конфессиональной иерархии в рамках нормативного религиозного дискурса. Наименьший интерес вызывает протестная дискуссия о внутриконтрафессииальных догматах. Атеистический протестный дискурс относительно популярен в российских мегаполисах, активность его и интерес к нему снижается уже в провинциальных городах-миллионниках и совсем низка его популярность в традиционных провинциальных городах России. В основе формирования церковного протеста лежит маргинальная религиозная идентичность. Кроме того, при анализе страниц пользователей-атеистов в сети «ВКонтакте» авторами была замечена определённая корреляция в цифровом пространстве атеистических настроений с экстремизмом и протестными настроениями против существующей политической системы, против отдельных представителей власти и решений власти, хотя эта точка зрения нуждается в дополнительной проверке.

### Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31060

### Acknowledgement

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31060

## Библиографический список

1. Аринин, Е.И. Особенности религиозности студентов / Е.И. Аринин, Д.И. Петросян // Социологические исследования. – 2016. – № 6. – С. 71–77.
2. Бабич, Н.С. Шкала «предрасположенности к религиозности»: концептуальные основы / Н.С. Бабич., И.В. Хоменко // Социологические исследования. – 2016. – № 6. – С. 65–71.
3. Буранчин, А.М. Архаизация как социальная проблема [Электронный ресурс] / А.М. Буранчин. – URL: <http://lawinrussia.ru/content/arhaizaciya-kak-socialnaya-problema> (дата обращения 04.09.2020).
4. Гришаева, Е.И. Традиционалистские православные медиа: структура дискурса и особенности функционирования [Электронный ресурс] / Е.И. Гришаева, В.А. Шумкова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 2. – С. 291–308. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.17> (дата обращения 04.09.2020).
5. Гуревич, П.С. Религиоведение / П.С. Гуревич. – М.: Юрайт, 2016. – 573 с.
6. Карпова, А.Ю. Изучение процесса онлайн-радикализации молодёжи в социальных медиа (междисциплинарный подход) [Электронный ресурс] / А.Ю. Карпова, А.О. Савельев, А.Д. Вильнин, Д.В. Чайковский // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 159–181. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585> (дата обращения 15.02.2020).
7. Хегглунд, Б. История теологии / Б. Хегглунд. – СПб.: Светоч, 2001. – 370 с.
8. Чэнь, Ди. Социальные сетевые медиа и социальные сети в концепциях американских и российских исследователей / Чэнь Ди // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2012. – № 3. – С. 223–230.
9. Юрасов, И.А. Социальное самочувствие жителей провинциального города / И.А. Юрасов, М.А. Танина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2018. – Т. 18. – № 3. – С. 260–264.
10. Юрасов, И.А. Феномен маргинальной религиозной идентичности: дискурс, структура / И.А. Юрасов, М.А. Танина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Со-



- циология. Политология. – 2019. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 279–283.
11. Юрасов, И.А. Дискурсивное исследование православной религиозной идентичности / И.А. Юрасов, О.А. Павлова. – Пенза: Издательство ПГУ, 2018. – 259 с.
12. Couldry, N. The mediated construction of reality / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 256 p.
13. Hepp, A. Mediatization and the “molding force” of the media [Электронный ресурс] / A. Hepp // Communications. – 2012. – Vol. 37. – No. 1. – P. 1–28. – URL: <https://doi.org/10.1515/commun2012-0001> (дата обращения 17.02.2020).
14. Lovheim, M. Mediatisation of religion: a critical appraisal [Электронный ресурс] / M. Lovheim // Culture and Religion. – 2011. – Vol. 12. – No. 2. – P. 153–166. – URL: <https://doi.org/10.1080/14755610.2011.579738> (дата обращения 17.02.2020).
15. Lovheim, M. Identity / M. Lovheim // Digital religion. Understanding religious practice in new media worlds / Ed. Campbell H.A. – London, New York: Routledge, 2013. – P. 41–56.

Текст поступил в редакцию 20.12.2020.

Принят к публикации 19.04.2021.

Опубликован 29.06.2021.

## References

1. Arinin E.I., Petrosjan D.I. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies]. 2016, no. 6, pp. 71–77 (in Russian).
2. Babich N.S., Homenko I.V. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies]. 2016, no. 6, pp. 65–71 (in Russian).
3. Buranchin A.M. *Arhaizacija kak social'naja problema* [Archaization as a social problem]. Available at: <http://lawinrussia.ru/content/arhaizaciya-kak-socialnaya-problema> (accessed on September 4, 2020) (in Russian).
4. Grishaeva E.I., Shumkova V.A. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Social View Monitoring: Economical and Social Changes]. 2018, no. 2, pp. 291–308. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.17> (accessed on September 4, 2020) (in Russian).
5. Gurevich P.S. *Religiovedenie* [Religious Studies]. Moscow: Yurait, 2016, 573 p. (in Russian).
6. Karpova A.Ju., Savel'ev A.O., Vil'nin A.D., Chajkovskij D.V. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Social View Monitoring: Economical and Social Changes]. 2020, no. 3, pp. 159–181. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585> (accessed on February 15, 2020) (in Russian).
7. Hegglund B. *Istorija teologii* [History of Theology]. St. Petersburg: Svetoch, 2001, 370 p. (in Russian).
8. Chen Di. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism]. 2012, no. 3, pp. 223–230 (in Russian).
9. Jurasov I.A., Tanina M.A. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Sociology, Politology]. 2018, vol. 18, no. 3, pp. 260–264 (in Russian).
10. Jurasov I.A., Tanina M.A. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Sociology, Politology]. 2019, vol. 19, no. 3, pp. 279–283 (in Russian).
11. Jurasov I.A., Pavlova O.A. *Diskursivnoe issledovanie pravoslavnoj religioznoj identichnosti* [Discursive study of Orthodox religious identity]. Penza: Izdatel'stvo PGU, 2018, 259 p. (in Russian).
12. Couldry N., Hepp A. *The mediated construction of reality*. Cambridge: Polity Press, 2016, 256 p. (in English).
13. Hepp A. *Mediatization and the 'molding force' of the media*. Communications, 2012, vol. 37, no. 1, pp. 1–28. Available at: <https://doi.org/10.1515/commun2012-0001> (accessed on February 17, 2020) (in English).
14. Lovheim M. *Mediatisation of religion: a critical appraisal*. Culture and Religion, 2011, vol. 12, no. 2, pp. 153–166. Available at: <https://doi.org/10.1080/14755610.2011.579738> (accessed on February 17, 2020) (in English).
15. Lovheim M. Identity. In: *Campbell H.A. (Ed.). Digital religion. Understanding religious practice in new media worlds*. London, New York: Routledge, 2013, pp. 41–56 (in English).

Submitted for publication: December 20, 2020.

Accepted for publication: April 19, 2021.

Published: June 29, 2021.